

Интеллигентный диссидент: тавтология или оксюморон? Значение слова «интеллигенция» в «наивной картине мира» и истоки представления об оппозиционности интеллигенции

I

В одной из сказок Андерсена рассказана печальная история о трансформации, в результате которой человек стал восприниматься как тень, а тень обрела облик человека. Как и знаменитая платоновская притча о пещере, это история содержит в себе не только жизненную мудрость, но и весьма продуктивную для гуманитарного знания модель. Приведем несколько сразу приходящих на ум примеров. Образы античности в сознании философов конца XIX - начала XX века, например, утверждение Ницше о борьбе аполлонического и дионисического начал или Шпенглера об аполлонической душе античности, давно уже обрели плоть и кровь и часто определяют угол зрения, под которым читаются античные подлинники, задают рамку для восприятия античной культуры. Рекламные брэнды заменяют в сознании покупателей рекламируемый продукт и содержимое выбираемых пива, шампуня, зубной пасты становится «тенью» их рекламного образа. Трактовка политических событий современными СМИ определяет их восприятие обывателем, часто даже если он был очевидцем самого события. В целом все описанные выше разнородные ситуации сводятся к проблеме соотношения факта и его интерпретации. Сложная диалектическая игра между фактами и их отражениями в зеркалах интерпретаций, между фактами и «тенями» фактов, тоже получающих со временем полноправный статус и ревниво отстаивающих собственную значимость, приводит часто к ситуации, гениально описанной Андерсеном в своей сказке.

Для обсуждаемой нами темы соотношение между фактом и интерпретацией становится еще более зыбким, еще более неуловимым. Ведь речь идет не об Александре III, например, или Февральской революции – людях и событиях, в реальном существовании которых никто не сомневается, речь идет об «интеллигентах» и «интеллигенции» – т.е. о понятиях, не имеющих четко определенного денотата и включающих элемент интерпретации уже при их употреблении. Однако именно в таких ситуациях, когда недоговоренность и неопределенность проникает в самую сердцевину описываемой реальности, исследователю надлежит быть особенно настороже. Если не принять здесь экстренных и безотлагательных мер, научная полемика грозит вылиться в разговор двух глухих, уверенных, что они слышат друг друга:

- Не правда ли, умнейшая женщина Марфа Петровна?
- Дура набитая, да и стерва еще к тому же! -

и после нескольких минут разговора, когда раскрасневшиеся собеседники уже осыпали друг друга градом ругательств и готовы вцепиться друг другу в волосы, вдруг выясняется, что они говорят о разных людях и предмет для спора, в общем-то, отсутствует.

К сожалению, нельзя сказать, что приведенная сцена - какая-то чрезмерная сатира или гротеск. Наверное, все мы становились свидетелями подобных споров, предметом которых вместо Марфы Петровны были «судьба России» или «роль русской интеллигенции», споров, обреченных на безрезультатность из-за размытости предмета разговора. Для того, чтобы избежать такого исхода, необходимо тщательно описать структуру предмета исследования, т.е. денотата (или денотатов), соответствующих понятию «интеллигенция» и его производных.

Несмотря на то, что у каждого из нас - свое представление об интеллигенте, интеллигентности, интеллигенции, в этом кажущемся безбрежным океане субъективизма можно, однако, нащупать твердую почву. Такой почвой является языковая интуиция, в целом, общая для всех носителей языка и позволяющая нам употреблять слово в одних контекстах и не употреблять в других, потому что такое употребление «режет слух». Лингвисты называют картину, в рамках которой складывается такое употребление, «наивной картиной мира» и привлекают для ее реконструкции тексты из газет, журналов, художественной литературы, в которых слово употребляется без сознательной идеологической нагрузки, т.е. в наиболее общем для всех носителей языка контексте¹. Нужно заметить, что лингвисты рассматривают статическую картину и не изучают динамику ее становления, без каких-либо оговорок используя как тексты девятнадцатого века, так и тексты двадцатого. Тем не менее, обретение словом своего значения в наивной картине мира и трансформация этого значения со временем – сложный процесс, который необходимо учитывать при работе со столь значимыми для культуры понятиями как «интеллигенция».

Параллельно с обретением словом устойчивого статуса в наивной картине мира, служащим фундаментом для его понимания носителями языка и определяющим все последующие употребления, оно начинает осознанно употребляться идеологами, помещающими его в контекст своих философских или идеологических построений и таким образом сообщаящими ему дополнительную смысловую нагрузку. Хотя новые смысловые обертона тоже становятся фактами языка и могут трансформировать базисную семантическую картину, часто значения

---

¹ О понятии «наивной картины мира» см., напр., Апресян, 1995, с.57-58 или Апресян, 1995а, Ср.: Глебкин, 1998, с. 6-8, 12-24.

на двух этих уровнях существенно различаются, создавая опасный зазор и возможную подмену базисного значения слова значением, принятым в рамках одного из идеологически заостренных дискурсов. Разделение базисного уровня употребления слова и надстраиваемых над этим уровнем интерпретаций – на мой взгляд, необходимое условие содержательной работы с культурно значимыми концептами, позволяющее избежать малопродуктивного «спора о словах».

II

Представление об оппозиционности как одной из ключевых характеристик русской интеллигенции имеет давнюю историю и выглядит уже, пожалуй, трюизмом. На нем основываются разнообразные теоретические модели, описывающие феномен русской интеллигенции. Одна из таких моделей была озвучена, в частности, Б.А.Успенским в работе «Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры» и стала стержневой идеей международной конференции «Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология», проходившей в Неаполе в мае 1997 года. «Одним из фундаментальных признаков русской интеллигенции является ее принципиальная оппозиционность к доминирующим в социуме институтам. Эта оппозиционность прежде всего проявляется в отношении к политическому режиму, к религиозным и идеологическим установкам, но она может распространяться также на этические нормы и правила поведения и т. п. При изменении этих стандартов меняется характер и направленность, но не качество этой оппозиционности... В этом, вообще говоря, слабость русской интеллигенции как идеологического движения: ее объединяет не столько идеологическая программа, сколько традиция противостояния, т. е. не позитивные, а негативные признаки. В результате, находясь в оппозиции к доминирующим в социуме институтам, она, в сущности, находится в зависимости от них: при изменении стандартов меняется характер оппозиционности, конкретные формы ее проявления»² - отмечает автор.

На каком уровне формируется такое представление об интеллигенции и как оно соотносится со значением слова в «наивной картине мира», есть ли оппозиционность интеллигенции идеологический конструкт, возникший в рамках одной из интерпретаций и затем заслонивший собой повседневное употребление или оно принадлежит «наивной картине мира» и определяет глубинную сущность понятия интеллигенции – вопрос, попыткой ответа на который является данная статья.

---

² Б.А.Успенский. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // РОССИЯ/RUSSIA. Вып. 2 [10]: Русская история и западный интеллектуализм: история и типология. М.:О.Г.И., 1999, с.10

Восстановим вначале основные этапы семантической эволюции понятия «интеллигенция»³. Первые сколько-нибудь существенные случаи его употребления в привычном для нас значении социальной группы относятся к 60-м годам XIX века. Более или менее устойчивое положение в наивной картине мира формируется к 80-м – 90-м годам XIX века и одновременно с этим начинается создание основных интерпретаций, которые приводят в начале XX века к уже осознанному выделению социально-экономического и социально-этического определений интеллигенции⁴. Далее уровень интерпретации и базисный уровень, влияя друг на друга, существуют в значительной степени самостоятельно и претерпевают в советское время существенную и подчас весьма противоречивую эволюцию. В основной части данной работы мы попытаемся проследить формирование и динамику развития понятий «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный» в наивной картине мира и посмотреть, присутствовал ли в семантике этих слов на базисном уровне в какое-либо время мотив оппозиционности.

III

Формирование семантического поля понятия «интеллигенция» и его дериватов в 80-е – 90-е годы XIX века на материале текстов Чехова исследовано в уже упомянутой статье⁵. Результаты проделанной работы можно сформулировать следующим образом:

1. Ни социально-экономическое определение интеллигенции, относящее к ней людей умственного труда, ни социально-этическое определение, связывающее представление об интеллигенции с определенной системой взглядов, определенным мировоззрением, не соответствуют реальной структуре семантического поля этого слова в наивной картине мира. Категория интеллигенции формируется как антитеза категориям «народ» и «мещанство» и представления об интеллигенции как «не-народе» и «не-мещанстве» лежат в основании сложной и подчас противоречивой структуры этой категории. Для существительного «интеллигенция» наиболее существенным является противопоставление понятию «народ», проводимое по всем основным бытовым и мировоззренческим параметрам⁶. Иногда упоминания о народе

---

³ Подробнее см.: Глебкин, 2002, с.

⁴ См.: Иванов-Разумник, 1910, с.8.

⁵ См.: Глебкин, 2002, с.

⁶ Приведем несколько примеров: *«Часы, деньги и прочее... все цело, - начал разговор Чубиков. - Как дважды два четыре, убийство совершено не с корыстными целями.*

- Совершено человеком интеллигентным, - вставил Дюковский.

- Из чего же вы это заключаете?

и интеллигенции оказывается достаточным, чтобы охарактеризовать жизнь России или какого-либо уголка России, т.е. они рассматриваются как две противоположности, полностью покрывающие целое⁷. Прилагательное «интеллигентный» противостоит понятию «мещанский» и описывает стиль жизни, свойственный лучшим дворянским семьям, воспринимающийся Чеховым как идеальная норма, но с каждым годом все заметнее уходящий в прошлое⁸.

2. Такая семантическая структура определяет ответ и на два других ключевых вопроса, которые обычно ставятся в связи с понятием интеллигенции: вопрос о соотношении русского «интеллигент» и западного «intellectual» и вопрос о времени появления интеллигенции. Несмотря на определенное сходство социальных позиций в рамках социальной системы, на уровне наивной картины мира русское «интеллигент» значительно отличается от западного «intellectual» тем, что у последнего – существенно иное семантическое поле, не включающее в себя «народ» и «мещанство» как области отталкивания. В структуре понятия «интеллигент» значим не только социальный, но и культурный вектор, который мог сформироваться лишь после того, как «народ» и «мещанство» стали ключевыми категориями русской культуры, т.е. в 60-е годы XIX века. Поэтому именно 60-е годы XIX века, а не екатерининская или николаевская эпоха – время возникновения русской интеллигенции.

3. Оппозиционность власти не является обязательной и даже существенной характеристикой интеллигента, сами представители власти различных уровней в отдельных случаях называются Чеховым интеллигентами⁹. Еще раз подчеркнем, что интеллигентность – это не набор идей, а определенный стиль, в котором важны не столько идеи, сколько интонация, с которой они произносятся.

- К моим услугам шведская спичка, употребления которой еще не знают здешние крестьяне. Употребляют такие спички только помещики, и то не все. **(Чехов А.П., Шведская спичка);**

В народе страдают от свекровей, а у нас в интеллигенции от невесток. **(Чехов А.П., Записные книжки)**

⁷ Например, «Россия такая же скучная и убогая страна, как Персия. Интеллигенция безнадежна; по мнению Пекарского, она в громадном большинстве состоит из людей неспособных и никуда не годных. Народ же спился, обленился, изворовался и вырождается» **(Чехов А.П., Рассказ неизвестного человека, 1893).**

⁸ См. следующие примеры: «Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы... Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться.» **(Чехов А.П., письмо М.П.Чеховой, 6 июня 1890 г.);**

«Смех лакея, его слова, пиджак и усики произвели на Анну Акимовну впечатление нечистоты. Она закрыла глаза, чтобы не видеть его, и, сама того не желая, вообразила Пименова обедающего вместе с Лысевичем и Крылиным, и его робкая, неинтеллигентная фигура показалась ей жалкой, беспомощной, и она почувствовала отвращение.» **(Чехов А.П., Бабье царство, 1894)**

⁹ См. «Через пять дней на местной станции происходили торжественные проводы секретаря и педагога. Провожать собрались все интеллигенты, начиная с предводителя и кончая подслеповатым пасынком надзирателя Вонючкина.» **(А.П. Чехов, В Париж!)**

«- Город торговый, но весьма интеллигентный!.. Например, э-э-э... директор гимназии, прокурор... офицерство... Недурен также исправник... Человек, как говорят французы, анишантэ. А женщины! Аллах, что за женщины!» **(А.П. Чехов, Первый любовник)**

Пропуская период начала XX века, когда формировались основные идеологемы, связанные с понятием «интеллигенция», но существенных изменений в наивной картине мира не происходило, мы обратимся к 20-м – 30-м годам, когда кардинальные трансформации в социальной и культурной жизни значительно трансформируют и структуру семантического поля. Сразу отметим, что частота употребления понятия в этот период резко падает. Из ключевой проблемы вопрос о русской интеллигенции превращается в маргинальный, уступая место проблемам мировой революции, классовой борьбы и т.д. Это ведет, во-первых, к тому, что, сами интеллигенты ощущают себя на периферии новой социо-культурной ситуации и мучительно пытаются обрести в ней свое место, а во-вторых, к появлению на культурной арене новых людей, далеких от традиционного интеллигентского дискурса и воспринимающих его как казус, как рудимент прошлого. Если раньше интеллигенция была единственным носителем культурной традиции на теоретическом уровне, поэтому ее портрет в пространстве русской культуры был автопортретом, то теперь число живописцев резко возросло и создаваемые ими изображения часто стали напоминать злую карикатуру. Не проводя здесь подробного частотного анализа на большом массиве текстов, мы проанализируем наметившиеся трансформации на примере трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам» (45 случаев употребления слова «интеллигенция» и его дериватов) и произведениях Ильфа и Петрова (27 случаев). Выбранные тексты дают возможность зафиксировать оба указанных вектора. Первый текст – описание интеллигентом пути интеллигенции в годы революции и гражданской войны, эпическое произведение, претендующее на объективность анализа; тексты Ильфа и Петрова - взгляд на интеллигенцию извне, взгляд людей, ищущих свое место в литературе вне рамок интеллигентского дискурса.

Начнем наш анализ с произведения Алексея Толстого. Отметим, что из двух главных семантических линий, выделенных нами при описании семантической структуры понятия в 80-е – 90-е годы XIX века («интеллигенция» - «народ» и «интеллигенция» - «мещанство»), первая доминирует в тексте и количественно и по смыслу¹⁰. В целом употребление слова в этом контексте вполне соответствует употреблению в 80-е – 90-е годы XIX века, с одним лишь исключением – появляется понятие «трудовой народ», возникающее на пересечении традиционного интеллигентского и большевистского дискурсов. Приведем несколько примеров, характеризующих эту семантическую линию:

- *Нет, подумай, Катюша... Ведь это черным по белому - да здравствует революция. Молодец, Акундин! Действительно, живем, - ни больших идей, ни больших*

---

¹⁰ В 18 из 45 случаев употребления (т.е. в 40%) понятие «народ» определяет контекст употребления слова «интеллигенция». Все остальные контексты имеют значительно меньшую частотность.

чувств. Правительством руководит только одно - безумный страх за будущее. Интеллигенция обжирается и опивается. Ведь мы только болтаем, болтаем, Катюша, и - по уши в болоте. Народ - заживо разлагается. Вся Россия погрязла в сифилисе и водке. Россия сгнила, дунь на нее - рассыплется в прах. Так жить нельзя... Нам нужно какое-то самосожжение, очищение в огне... **(Хождение по мукам. Кн.1, 8)**

- Это показать бы да нашей интеллигенции. А? Это - сон нерасказанный... Вот тебе, конституции захотели! Русским народом управлять захотели... Ай, ай, ай... Побасенки про него складывали - и терпеливенький-то, и ленивенький-то, и богоносный-то... Ай, ай, ай... А он вон какой... По пояс в тумане стоит, грозен и умен, всю судьбу свою понимает, очи вперил в половецкие полчища... Тут такие силища подпоясались, натянули рукавицы, - ни в одной истории еще не написано... **(Хождение по мукам. Кн. 3, 4)**
- Так вы, стало быть, с нами, Дарья Дмитриевна? Ну, спасибо. Вся интеллигенция, все оскорбленное, замученное офицерство собираются под священные знамена Добрармии. Это армия героев... И вы увидите, - Россия будет спасена, и спасут ее белые руки. А эти хамские лапищи - прочь от России! Довольно сентиментальностей. Трудовой народ! Сейчас проехал полторы тысячи верст на крыше вагона. Видел трудовой народ! Вот зверье! Я утверждаю: только мы, ничтожная кучка героев, несем в своем сердце истинную Россию. И мы штыком приколем наш закон на портале Таврического дворца... **(Хождение по мукам. Кн.2, 8)**
- За десять - пятнадцать лет мы будем просвещенной страной. Сокровища мировой культуры мы сделаем достоянием народных масс, - говорил он с фанатической улыбкой, теребя бородку. - Предстоит гигантская работа по ликвидации неграмотности. Этот позор должен быть смыт, - это дело чести каждого интеллигентного человека... Все молодое поколение должно быть охвачено воспитанием от яслей и детских садов до университета... Никто и ничто не помешает нам, большевикам, осуществить на деле то, о чем могли только мечтать лучшие представители нашей интеллигенции... **(Хождение по мукам. Кн. 3, 17)**

Другим проявлением духа времени, совмещением традиционного и нового советского дискурсов является переплетение линий «интеллигенция» - «народ» и «буржуазия» - «пролетариат» и появление таких сочетаний как «буржуазная интеллигенция», «буржуазное воспитание», «классовое сознание интеллигенции»¹¹. В тексте «Хождения по мукам» используют не автор и его герои-интеллигенты, а «трудовой народ», имеющий свой взгляд на место интеллигенции в современной ситуации:

- Революция, говорю, - это особенная сила... Понятно вам? Ну что бы я делала без революции? Мазала бы столярным клеем по двенадцати часов в картонажной мастерской... Одна радость - в воскресенье погрызть семечки на Екатерининском бульваре... Ну, разжилась бы высокими ботинками, - подумаешь, радость! Так как же, говорю, вы, товарищи, не верите: интеллигент ошибался, ну, - хорошо, - служил своему классу, но ведь он тоже человек... Революция и не таких затягивала. Может он свой классишко паршивый променять на всемирную? Может... И он

---

¹¹ 4 случая употребления из 45 (9%).

сознательно приходит к нам - драться за наше рабочее дело... Угрюмым надо быть, если не верить в это... Ну! Я многих убедила. Роцин, подобравшись, лежал на коротенькой кровати и глядел на Марусю. Она то взмахивала голыми руками, то страстно сжимала их. Низенькая комната, казалось, была наполнена ее девичьей свежестью, точно внесли сюда ветку белой сирени. - Другое дело, слушайте, что интеллигентов надо перевоспитывать... Мы и вас будем перевоспитывать... Чего смеетесь? (Хождение по мукам. Кн. 3, 11)

Вторая линия, ключевая для конца прошлого века («интеллигенция» - «мещанство»), у Толстого практически отсутствует и следы представлений об интеллигентности как стиле жизни теряются среди мировоззренческих проблем¹². Даже прилагательное «интеллигентный», одно из важнейших для Чехова, встречается у А. Толстого всего 6 раз, причем в значении стиля и с безусловной для Чехова положительной прагматикой – лишь дважды¹³. Отметим, что у Толстого два раза употребляется понятие «интеллигентский», появившееся в начале века и обычно характеризующее определенное мировоззрение («интеллигентская философия», «интеллигентские рассуждения»). Здесь же оно применено к внешности и особенностям поведения человека, выполняя функцию негативного эквивалента слова «интеллигентный»¹⁴.

Еще одним важным штрихом является включение в понятие «интеллигент» определенных психологических характеристик, типичных черт характера, тоже отсутствующее в конце XIX века. Эти характеристики у Толстого даются обычно персонажами романа, относящимися к «трудовому народу». В числе таких характеристик - слабость, бездеятельность интеллигенции, неспособность ее к решительным действиям, пустое философствование, мягкотелость¹⁵.

---

¹² Следует отметить, что такая трансформация не является общим местом. Так, для Адриана Пиотровского основным вопросом, стоящим перед интеллигенцией в этот период, был вопрос о том, с кем она, с пролетариями или с мещанством. См.: Глебкин, 1998, с. 75-91

¹³ «...юноша из интеллигентной старомосковской семьи» (кн. 2, 1) и «Вот вы, видать, человек интеллигентный, - сказал он тихо. - Научите, что делать?...» (кн.3, 11). Последний пример весьма показателен и воспроизводит один из традиционных узусов конца XIX века («поговорить с интеллигентным человеком», «спросить у интеллигентного человека»).

¹⁴ «Сапожков, как только Гымза вышел, стал шибко раскуривать трубку, яростно плюнул несколько раз в окно. Снял, швырнул пенсне и вдруг рассмеялся. - Вот в чем весь секрет: прямо ответить на поставленный вопрос... Есть бог? - нет. Можно человека убить? - можно. Какая ближайшая цель? - мировая революция... Тут, братишка, без интеллигентских эмоций...» (Хождение по мукам. Кн.2, 5)
«...все это произвело на Степана Алексеевича смешанное впечатление: ему стало привычно торжественно, и так же привычно он испытал чувство приниженности, - торчавший независимо интеллигентский хвостик его сам собою поджался между ног.» (Хождение по мукам. Кн. 3, 18)

¹⁵ Например, «К Ивану Ильичу обернулись Роцин и комиссар Чесноков и начали злобно ругать, обзывая соплив, интеллигентом, тряпкой, негодной даже, чтобы вытереть под хвостом у старой кобылы.» (Хождение по мукам. Кн. 3, 19); «Петербургскую квартиру он передал англичанам из военной миссии и в Москве жил с Дашей налегке - ходил в замшевом френче, ругал мягкотелую интеллигенцию и работал, по его выражению, как лошадь.» (Хождение по мукам. Кн.1, 18). См. также прим. 9.

Обращаясь теперь к текстам Ильфа и Петрова, мы обнаруживаем существенно иную картину. Здесь трагедия, описанная у Алексея Толстого, обращается в фарс, семантическое поле сужается до нескольких постоянно воспроизводимых формул, звучащих как невероятный анахронизм среди бурного кипения новой жизни. Можно выделить пять таких формул: слесарь-интеллигент (3 случая, «Двенадцать стульев»); «значение русской интеллигенции» (6 случаев, «Золотой теленок»), «одиноким интеллигентным холостяком» (3 случая, «Золотой теленок»), «спокойный, непьющий, средних лет, глубоко интеллигентный...» (3 случая, «Сценарий звукового кинофильма»), «радикальная интеллигенция» (6 случаев, «Одноэтажная Америка»). Остановимся на некоторых из них.

О значении русской интеллигенции непрерывно думает Васисуалий Лоханкин, в образе которого последовательно пародируются главные составляющие образа русской интеллигенции: склонность к глобальным философским построениям, взгляд на мир *sub specie aeternitatis* и неспособность к решительным действиям; часто имеющее весьма шаткие основания сознание собственного величия; стремление к жертве, не требуемой практической ситуацией и нередко бессмысленной. «Одиноким интеллигентным холостяком» считает себя Остап Бендер, что тоже показательно. И обаятельный проходимец Бендер, и философствующий неудачник Лоханкин - чужие на этом «празднике жизни», где деятельность по строительству нового мира полностью вытесняет и эгоистические интересы, и абстрактные философствования.

Формула «радикальная интеллигенция», характеризующая американских интеллектуалов, дополняет картину: интеллигенция для Ильфа и Петрова – определенная социальная прослойка, существующая не только в России, но и в других странах, но в России характеризующаяся беспомощностью и склонностью к бесполезным мечтаниям, далеким от реальной жизни¹⁶. Мы видим здесь почти полное разрушение традиционной семантики и лишение проблем, связанных с понятием интеллигенции, значимого культурного статуса.

Конец 20-х годов – это, пожалуй, крайняя точка отката от сложившейся традиции. Это касается не только интеллигенции, но и других традиционных для русской культуры про-

---

¹⁶ Отметим, что это ощущение безысходности и глубокой ненужности есть и у Толстого: *«Я видел, - мы живем дурно, эти непрерывные удовольствия кончатся когда-нибудь взрывом отчаяния. Но что я мог поделать, если занятие моей жизни, и Катиной, и всех, кто нас окружал, - веселиться. Иногда, здесь, гляжу на море и думаю: существует какая-то Россия, пашет землю, пасет скот, долбит уголь, ткет, кует, строит, существуют люди, которые заставляют ее все это делать, а мы - какие-то третьи, умственная аристократия страны, интеллигенты, - мы ни с какой стороны этой России не касаемся. Она нас содержит. Мы - папильоны. Это - трагедия. Попробуй я, например, разводить овощи или еще что-нибудь полезное, - ничего не выйдет. Я обречен до конца дней порхать папильоном. Конечно, мы пишем книги, произносим речи, делаем политику, но это все тоже входит в круг времяпрепровождения, даже тогда, когда гложет совесть».* (Хождение по мукам. Кн.1, 13)

блем, в частности, вопроса о статусе России и «русской идеи» в новой реальности. В ожидании мирового Октября, который должен превратить мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик, ожидании, санкционированном на уровне высшего партийного руководства, традиционные ценности должны были подвергнуться кардинальному забвению¹⁷. В качестве канонического примера можно напомнить строки, написанные в 1929 г. Джеком Алтаузенем, предложившим следующий способ добывания бронзы на памятник Некрасову:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского,
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить –
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?¹⁸

Понятно, что на этом фоне ожидания мировой революции проблемы отечественной интеллигенции у наиболее радикально настроенной части общества ничего, кроме усмешки, вызвать не могли. Однако в 30-е годы маятник начал двигаться в другую сторону, традиционные для русской культуры темы и ценности вновь стали попадать в поле зрения, коснулось это и интеллигенции. Даже не столько установка на создание нашей, советской, «красной» интеллигенции, сколько введение в круг чтения в школе классиков XIX века ведет к тому, что традиционные семантические связи постепенно восстанавливаются и снова становятся актуальными. Не имея здесь возможности проследить этот процесс происходящих трансформаций подробно, обратимся к некоторому его итогу, к картине, которая складывается в 60-е – 80-е годы XX века.

IV

В качестве материала для выявления семантического поля понятия «интеллигенция» в 60-е – 80-е годы мы использовали тексты Д.Гранина, В.Маканина, В.Орлова, Ю.Бондарева, В.Крупина, И.Грековой, Вик. Ерофеева, П. Вайля и А. Гениса и др., писателей различных

---

¹⁷ В традиционных призывах к годовщине революции в 1927 г. тринадцатый призыв звучал следующим образом: «Да здравствует мировой Октябрь, который превратит весь мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик!» Цит. по: Вдовин и др., 1998, с. 104

¹⁸ Цит. по: Вдовин и др., 1988, с. 115

мировоззренческих установок и идеологических ориентаций. Спектр выбранных авторов позволяет, кажется, избежать aberrаций, связанных с влиянием определенной идеологической позиции или личных особенностей писателя. Работа строилась следующим образом: мы фиксировали все случаи употребления понятия «интеллигенция» и его дериватов у указанных авторов и затем отмечали слова, находящиеся в их ближайшем окружении, т.е. синонимы, антонимы, а также слова, к которым прилагательные «интеллигентный», «интеллигентский» служат определением. При этом разумеется, мы учитывали отличия между локальным значением слова и его значением в контексте всего произведения, а также авторскую интонацию (ироничную, нейтральную). По результатам проведенного анализа выделилось четыре семантических линии, вдоль которых выстраивается семантическая структура понятия интеллигенции и дериватов:

- Социальная группа (*Я уже знал, что в Австралии писатели живут бедно. В этой богатейшей стране творческая интеллигенция - наиболее скромно оплачиваемая часть населения, среди них писатели, пожалуй, самая бедствующая профессия. (Д. Гранин. Месяц вверх ногами)*)
- Мироззрение, жизненная позиция (*Проявление нетерпимости к другому Виду - это очень неинтеллигентно, Мартын. Где-то на уровне антисемитизма. Так что подумай над этим. (В.Кунин. Кыся-3. Кыся в Америке)*)
- Стиль жизни (*Его речь - когда один на один - не рядилась в простецки купеческую. Речь оказалась вполне интеллигентной. - ... Нет, нет. Я ведь не сказал - старик. Но староваты. Извините. Вполне-вполне интеллигентной оказалась его речь. (После оканья. После столь долгого молчания с умным прищуром.) (В.Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени)*)
- Характер (*Старик мог сделать все, что угодно, все... Я его не идеализирую... К черту ангелов, ведь их нет!.. Он мог как-нибудь по-интеллигентски увильнуть, забить памороки, наконец! Но чтобы предать... Это конец света!.. (Ю.Бондарев. Родственники)*)

Частота употребления в каждом из этих значений по отдельным авторам приведена в таблице:

	Социальная группа	Мировоззрение, жизненная позиция	Стиль жизни	Характер	Всего
Юрий Бондарев	17	7	24	5	52 ¹⁹
Ирина Грекова	3	3	11	3	18
Даниил Гранин	13	10	11	2	34
Владимир Орлов	0	0	4	0	4
Владимир Маканин	3	3	30	0	35
Владимир Крупин	1	1	1	0	3
Владимир Кунин	5	8	41	0	54
Сергей Есин	5	5	4	1	13
Петр Вайль, Александр Генис	6	2	0	0	8
Всего	53 24%	39 17%	126 56%	11 5%	221

Проанализируем полученные результаты:

А) Так же, как и в 80-е – 90-е годы XIX века и в полном противоречии с ситуацией 20-х – 30-х годов наиболее частотным (56% всех случаев употребления) оказывается представление об интеллигентности как определенном стиле жизни, а об интеллигенте – как о выразителе этого стиля. Этот стиль трудно выразить словами (*Лосев, вместо ответа, посмеивался и пуще восхищался советами Аркадия Матвеевича и милым ему интеллигентным духом этого обиталища. А что такое интеллигентность, объяснить не сумел. Говорил только, что у него самого этого нет и не будет - хоть коврами завесь, хоть книгами завали, а все не то. Д. Гранин, Картина*), он приобретается еще в детстве, если не с рождения (*Тане Кох помогла ее врожденная интеллигентность и поразительное женское чутье! В.Кунин, Кыся-2*) и проявляется в таких чертах, как выражение лица, интонация, то есть в чертах, которые сложно отрефлексировать, создать сознательно (*За столом Борис увидел заместителя командира дивизии по политической части полковника Алексева. Аккуратно подтянутый, он сидел, наклонив высокий лоб, гладко зачесанные назад редкие волосы влажны, худое интеллигентное лицо свежо,*

¹⁹ Некоторые из случаев можно отнести сразу к двум столбцам, поэтому суммарное число употреблений меньше, чем сумма элементов в строке

словно недавно умыто умные глаза мягко и знакомо щурились. Ю.Бондарев. Батальоны просят огня). Подобные характеристики мы находим и у Чехова²⁰. Однако если у Чехова перед глазами были живые образцы интеллигентного поведения, и столь же яркие образцы мещанского стиля жизни, в оппозиции к которому осмыслялась интеллигентность, то теперь понятие интеллигентности оказывается гораздо более размытым и понимание его возможно только при сопоставлении с картиной 80-х – 90-х годов XIX века.

Наиболее частотными оказываются понятие «интеллигентный человек» (19 случаев употребления (три из них - «Интеллигентный Кот», «Интеллигентный Песик» в том же значении)), характеристики интеллигентности, связанные с речью (интеллигентно говорить, интеллигентная речь, интеллигентный голос) (18 случаев употребления), интеллигентный вид, лицо (14), интеллигентное поведение (11). Остановимся на каждом из этих блоков в отдельности:

- ❖ Словами, находящимися в семантическом окружении понятия «интеллигентный человек» и выступающими по отношению к нему как синонимы, являются «умный» (3 случая употребления), «тонкий» (2), «талантливый» (1), «изящный» (1), «ироничный» (1), «непрактичный» (1), «смелый» (1), «застенчивый» (1), «выросший в приличном доме» (1). В целом это соответствует кругу чеховских характеристик, за одним существенным исключением: у Чехова основным синонимом является «порядочный» и отсутствуют такие понятия как «застенчивый» и «непрактичный».
- ❖ Интересно выглядит представление об интеллигентной речи. Несколько раз у разных авторов говорится об интеллигентной речи как речи, где говорят не «ты», а «вы» (3 случая употребления) или когда говорят не «врать», а «лгать» (*Я обратил внимание, что она не сказала врать, сказала лгать - читает книги; интеллигентна. Владимир Маканин, Андеграунд*). Интеллигентная речь мягкая (2), сдержанная (1), в ней иногда звучит ненужная нежность (1). Оппозицией к интеллигентной речи выступает речь простоватая (1), простецки-купеческая (1).

---

²⁰ См.: Глебкин, 2002, с.

- ❖ Интеллигентное лицо описывается как худое (1), с высоким лбом (1), умными глазами (1), что соответствует традиционному употреблению. Однако в отличие от картины конца прошлого века и в противоречии с уже приводимыми словами о врожденной интеллигентности оказывается, что интеллигентность можно себе придать, что ее можно лишиться, а потом снова обрести, причем для этого не требуется нечеловеческих усилий (*Потом я привел себя в максимальный порядок - умылся, прилизался, пригладился и придал своей исполосованной хамской роже относительно интеллигентно-благожелательное выражение. Владимир Кунин. Кыся-3. Кыся в Америке.; Ненавижу деньги, Ася... Но без денег - пропасть. Галстук действительно заграничный. Куплен на Тишинке. Ничего особенного, обыкновенная тряпка, украшающая мою довольно некрасивую рожу. Вообще, Ася, разве вы не знаете, почему некоторых фронтовиков потянуло к костюмам и галстукам? - Захотелось необыкновенного, захотелось форсить, вот что. - Ася с настороженностью покосилась на дверь, из-за которой доносился голос Сергея. - И он разрядился, без конца носит новый костюм. Это вы влияете? - О Ася, нет! - Константин покачал головой. - На Сергея не повлияешь, вы ошибаетесь. Просто фронтовиков потянуло к тряпкам для придания огрубевшим мордасам интеллигентности, которую они потеряли за четыре года. Но хорошие ребята, понюхавшие пороху, знают недорогую цену этим тряпкам. Юрий Бондарев. Тишина.)*
- ❖ Интеллигентное поведение характеризуется как сдержанное (1), мягкое (1), тонкое (1). С другой стороны, в поведении интеллигента отмечается беспомощность и слабость, неумение дать отпор хамам и проходимцам. (*И Гурьев, под звук, под мелкое дребезжание, все мялся на ватных, на застоявшихся ногах. Хотя бы без этой жалковатой, не дающей ему улыбки - не мог я ее видеть, а ведь видел, смотрел. И (тонкость!) я не уверен, что на моих губах в ту минуту не плавало точное подобие его улыбки, остаточная интеллигентская мимикрия под всех. Сколок улыбки той давней поры. - Я пойду. Не... не подходит цена, - говорит наконец инженер Гурьев и уходит. И еще машет зачем-то всем нам, смеющимся зевакам*

(всему человечеству), машет рукой - мол, так надо. Мол, он что-то вспомнил. Улыбка, и этот как бы с оправданием (и, конечно, тем меньше оправдывающий) невнятный взмах рукой российского интеллигента, кто его не знает. Уходит. Ушел. Владимир Маканин, Андеграунд.) О снижении критериев интеллигентного поведения говорят такие примеры: *И еще один, правда уже пьян, полеживал на диванчике в полной отключке, но интеллигентно, то бишь сняв обувь и демонстрируя красивые носки. Владимир Маканин, Андеграунд; ...Таскался за мной один парень. Ужасный интеллигент. Однажды гуляли мы долго, я смотрю, чего-то он жметя, потеет. "Может, тебе в уборную надо?" - спрашиваю его. Так он на меня обиделся. Стыдить начал и все жуует какую-то резину насчет сюрреалистов. Наконец вижу - заговаривается. Отпустила я его. А он как дунет в первую подворотню! Вот тебе и сюрреалисты! У меня, значит, грубость, низменное восприятие, а то, что он три часа ходит со мной и только думает про подворотню, - это поэзия, рыцарство. Даниил Гранин, Иду на грозу.*

Б) В представлении об интеллигенции как социальной группе бросаются в глаза следующие особенности. Во-первых, значительно реже, чем в конце прошлого века, звучит в тексте противопоставление интеллигенции и народа. Оно остается только в произведениях, посвященных XIX веку или началу советского времени (8 случаев, из них 5 – у Вайля и Гениса при описании литературных процессов в XIX в.). Во-вторых, в противоречии с линией, идущей от Бердяева и Иванова-Разумника, все чаще используется понятие «западная интеллигенция», а «интеллигент» и «интеллектуал» выступают как синонимы (...мне известно, что нацистский аппарат на десять процентов состоял из интеллигенции, господин Дицман. Именно в недалекой истории интеллектуалы Германии нередко играли роль своего рода духовной полиции. Я не знаю вас и говорю о той интеллигенции, у которой руки по локоть в крови, извините за откровенность! Юрий Бондарев. Берег.)

В) К мировоззренческим характеристикам интеллигенции авторами относятся нетерпимость к пошлости и унижению достоинства женщины (1), неприятие антисемитизма (2), терпимость к противникам (1), высокая мораль, совпадение требований к другим и требований к себе (1), но, с другой стороны, безопасная оппозиционность (Эх вы, интеллигенты! Модно в церковь ходить! И верю, и не верю, и оппозиция - и безопасно.

генты! Модно в церковь ходить! И верю, и не верю, и оппозиция - и безопасно. Приятно здесь утешение найти. Даниил Гранин. Картина)

Г) Как и у Алексея Толстого, о чертах характера интеллигентов обычно высказываются не сами авторы, а их герои, которых можно условно обозначить как простых людей. В полном соответствии с традицией 20-х – 30-х годов эти люди говорят о слабости и беспомощности интеллигентов при столкновении с жизнью, стремлении по-интеллигентски увильнуть от непростой ситуации (*Вы не финтите! - крикнул Раздутый со своего стула, готового под ним взорваться. - Говорите прямо, без интеллигентской размазни, осуждаете вы или нет это возмутительное, это беспре... это беспрецен... В слове "беспрецендентное" он, конечно, запутался. "Эх, приятель, - думала я, - проходил ты всю жизнь не в своей одежде..." И. Грекова. Без улыбок; Ей-Богу, до сегодня считал: мимоза ты, интеллигентик... Даже иногда краснеешь, похоже. А ты, брат, коленкор рвешь! Юрий Бондарев. Горячий снег).*

Подведем итоги проделанному в этом разделе анализу:

1. Наиболее часто в текстах 60-х – 80-х годов XX века используется понятие «интеллигентный», выражающее, главным образом, представление об определенном стиле жизни. Если век назад этот стиль связывался с традициями, воспитываемыми и сохраняемыми в лучших дворянских семьях, и противопоставлялся стилю жизни, выраженному в понятии «мещанство», то теперь границы интеллигентности оказываются размытыми, а противопоставление мещанству – гораздо менее отчетливым. Оппозиции «интеллигенция» - «мещанство» и «интеллигенция» - «народ», разделяемые в конце прошлого века, теперь смешиваются. «Мужик» и «мещанин» объединяются в образе «простого человека», часто несдержанного и грубого, даже морально неразборчивого, но цельного, решительного, чуждого интеллигентской рефлексии, человека дела, а не долгих разговоров о нем. Интеллигентное поведение отчасти смешивается с официальным, требующим соблюдения дистанции (говорить не «ты», а «вы»), простое – с домашним, свойским. Наряду с сохраняемым мотивом врожденной интеллигентности и представлением о том, что интеллигентности невозможно научить, появляются такие выражения как «придать огрубевшим мордасам интеллигентность», «придал своей исполосованной хамской роже относительно интеллигентно-благожелательное выражение», т.е. оказывается возможным переход от простого, грубоватого, свойского стиля к официальному, интеллигентному. Важный фактор здесь – отсутствие в современных модернизированных обществах столь же жесткой, как в XIX веке, социальной маркировки. В конце XIX века интеллигента можно было узнать по

но было узнать по одежде или по выражению лица потому, что мужик не мог одеть господскую одежду или иметь прическу, напоминающую прическу дворянина. В конце XX века этот признак оказался уже абсолютно не релевантным и здесь единственной существенной маркировкой стала оппозиция «естественное» - «официальное», на которую и были перенесены традиционные представления об интеллигентности.

1.1. Еще одно существенное отличие от картины конца прошлого века - звучащее чаще всего в репликах героев произведений, «простых людей», но иногда переносимое и на авторскую позицию обвинение интеллигентов в слабости и мягкотелости, в боязни реальной жизни. Здесь узнается наследие советской культуры, существенно трансформировавшей культурные смыслы, связанные с понятием интеллигенции.

2. Размытость границ понятия «интеллигенция» проявляется и в происходящем смешении русского «интеллигент» и западного «интеллектуал». Пожалуй, основным в понятии «интеллигент» становится не противопоставление «народу» и «мещанству», а представление о культурной норме. Интеллигенты – люди, хранящие культурную норму, и в этом смысле выполняющие социальную функцию, аналогичную функции интеллектуалов. Хотя и идея жертвенности, и идея служения тоже присутствуют в текстах, но связываются, скорее, с прошлым, чем с настоящим, постепенно теряя свою значимость.

3. Мотив диссидентства, оппозиционности власти практически отсутствует в структуре семантического поля на базисном уровне, на уровне наивной картины мира. Обращаясь к провокационно некорректной постановке вопроса в заглавии, следует сказать что «интеллигентный диссидент» - не оксюморон и не тавтология. Интеллигентность и оппозиционность в языковом опыте как поколения конца прошлого века, так и современного поколения – независимые параметры, дополняющие друг друга. Интеллигент может быть оппозиционным, может не быть, - это не определяет его интеллигентности.

V

Попробуем теперь ответить на вопрос, откуда же появляется в исследованиях мотив оппозиционности и почему он столь устойчиво воспроизводится в работах последних лет. Исток этого явления следует искать в попытках русского философского андеграунда 60-х – 70-х годов XX века, ищущего, как это принято в русской традиции, не истины, но правды, понять смысл явления интеллигенции в современном ему контексте. Такая нацеленность требует не позитивистски окрашенного обращения к источникам, а нового прочтения наиболее значи-

мых для культуры интерпретаций, в первую очередь, текстов «Вех», и статей Бердяева, а также работ Иванова-Разумника. И в знаменитой статье А.И. Солженицына «Образованщина», и в не менее значимой для советского андеграунда работе В.Ф. Кормера «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» тексты «Вех» являются тем зеркалом, которое создает для них образ интеллигенции, парадигмой в куновском смысле слова. Точность веховского диагноза не ставится под сомнение, задача видится лишь в том, чтобы написать подобие «Вех» для современной интеллигенции, интеллигенции советского времени²¹. Не менее значимые для наших диссидентов статьи Григория Померанца отталкиваются от социально-этического определения Иванова-Разумника²². Однако и тексты «Вех», и тексты Иванова-Разумника включают понятие «интеллигенция» в локальный категориальный контекст и придают ему дополнительную смысловую нагрузку, не просто отсутствующую в наивной картине мира, но иногда и просто противоречащую ей. Вместо слова из русского языка и Солженицын, и Кормер, и Померанц используют слово из языка «Вех» или языка Иванова-Разумника. Если говорить о текстах «Вех», то при этом исследователи пропускают существ-

---

²¹ «Роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя были основательно рассмотрены в "Вехах" - и возмущенно отвергнуты всею интеллигенцией, всеми партийными направлениями от кадетов до большевиков. Пророческая глубина "Вех" не нашла (и авторы знали, что не найдут) сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий. Вскоре и название книги, эксплуатированное другою группой авторов ("Смена вех") узко политических интересов и невысокого уровня, стало смешиваться, тускнеть и вовсе исчезать из памяти новых русских образованных поколений, тем более - сама книга из казенных советских библиотек. Но и за 60 лет не померкли её свидетельства: "Вехи" и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего. И только то радует, что через 60 лет кажется утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать.

Сегодня мы читаем её с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом - и сегодняшние наши. И потому всякий разговор об интеллигенции сегодняшней (по трудности термина "интеллигенция" пока, для первой главы, понимая её: "вся масса тех, кто так себя называет", интеллигент - "всякий, кто требует считать себя таковым") почти нельзя провести, не сравнивая нынешних качеств с суждениями "Вех"» (Солженицын, 1991, с. 28)

«Проблема интеллигенции - ключевая в русской истории. В начале века, преодолевая привычное народопоклонство, русское общество стало как будто осознавать это. Бесспорно, что осознание это достигло высшей точки в сборнике "Вехи", значение и влияние которых именно благодаря выбору такой темы - сборник статей о русской интеллигенции, - за пределы этой темы выходит, выходит за пределы эффекта, произведенного сенсационным когда-то бестселлером. Внешне непризнанные и отвергнутые, известные ныне большинству лишь по названию, "Вехи" все это время были силой, скрыто воздействующей на все духовное развитие русского общества. Это действительно *вехи* на пути России, так что куда бы ей теперь ни пойти, ей все равно придется отсчитывать удаление от этой точки, соотносить себя с ней. Повторяем, "Вехи" - не просто хлесткий критический сборник, но именно благодаря выбору темы, им удалось коснуться самых основ русской жизни - той, которая была до них, той, которая прошла за эти шестьдесят лет после них, и той, которая только еще настает» (Кормер, 1997, с. 209)

²² «Иванов-Разумник определял интеллигента как критически мыслящую личность. Министр внутренних дел фон Плеве говорил, что «интеллигенция – это та часть нашего образованного общества, которая с наслаждением подхватывает новость и даже слух, клонящиеся к дискредитированию правительственной или духовно-православной власти; ко всему же остальному относится с равнодушием». Словарь Вебстера расшифровывает слово «интеллигенция» так: «русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству». Были попытки определить интеллигенцию как читателей «Нового мира», как читателей Самиздата, как людей, способных выработать и сохранять собственное мнение, несмотря на любые усилия пропаганды (возврат к Иванову-Разумнику)» (Померанц, 1995, с. 119)

венные для их авторов нюансы, а именно, различие между интеллигенцией в широком и интеллигенцией в узком смысле слова или различие между интеллигенцией и лево-радикальной интеллигенцией²³. Для группы лиц, о которой писали авторы «Вех», мотив оппозиционности, действительно, был крайне значимым, но он имел, как показывают результаты данной статьи, весьма далекое отношение к тому денотату, на который указывало слово «интеллигент» в «наивной картине мира». Произшедшая подмена понятия и привела к формированию устоявшегося в литературе последних десятилетий и кочующего из статьи в статью мифа об оппозиционности интеллигенции.

Литература

- Апресян, 1995 - Апресян Ю.Д. Избранные труды. т.1. Лексическая семантика. М., 1995
- Апресян, 1995а - Апресян Ю.Д. Дейксис в грамматике и наивная модель мира. - Апресян Ю.Д. Избранные труды. т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995
- Бердяев, 1991 (1909) – Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991
- Вдовин и др., 1998 – Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М.: Русский мир, 1998
- Глебкин, 1998 – Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998
- Глебкин, 2002 – Глебкин В.В. Можно ли «говорить ясно» об интеллигенции? // Труды по культурной антропологии. М.: Восточная литература, 2002
- Иванов-Разумник, 1910 – Иванов-Разумник Р.В. Об интеллигенции. Спб., 1910
- Кормер, 1997 – Кормер В.Ф. «Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура». М.: Традиция, 1997
- Померанц, 1995 – Григорий Померанц. Человек ниоткуда // Григорий Померанц. Выход из транса. М.: Юрист, 1995.
- Солженицын, 1991 – Александр Солженицын. Образованщина // Новый мир, №5. М., 1991

---

²³ См., напр.: Бердяев, 1991 (1909), с.24.